

Агеева Вера Валентиновна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и регионоведения
Института социально-гуманитарных технологий
Национального исследовательского
Томского политехнического университета

**ИЗУЧАЯ РОССИЮ КАК ИМПЕРИЮ:
НОВАЦИИ И ВОЗВРАТЫ
В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ
ИСТОРИЧЕСКОМ РОССИЕВЕДЕНИИ
1990-Х – 2010-Х ГГ. [1]**

Аннотация:

Цель данной работы – выявление ключевых тенденций развития «новой имперской истории» в англо-американской историографии 1990-х – 2010-х гг. в контексте общего методологического обновления зарубежного руссиеведения рубежа веков. Результатом исследования является определение ведущих методологических подходов и новаторских предметных полей в англо-американских исследованиях «имперской составляющей» российской национальной идентичности, общественного самосознания и государственной политики.

Ключевые слова:

новая имперская история, руссиеведение, историография, национальное самосознание, постсоветское пространство, методология истории, национальная идентичность.

Ageeva Vera Valentinovna

PhD in History,
Assistant Professor,
History and Regional Studies Department,
Institute of Social and Liberal Arts Technologies,
Tomsk Polytechnic National Research University

**STUDYING RUSSIA AS AN EMPIRE:
NOVATIONS AND RECURRENCE
IN ANGLO-AMERICAN
HISTORICAL RUSSIA STUDIES
OF 1990–2010 [1]**

Summary:

The article's objective is to examine the main trends of "new imperial studies" in the Anglo-American historiography of the 1990–2010 in the context of general methodological renovation of foreign studies of Russia of this period. The research defines the key methodological approaches and new thematic perspectives in the Anglo-American studies of "imperial components" of Russian national identity, public consciousness and state policy.

Keywords:

new imperial studies, Russian studies, historiography, national identity, the post-Soviet space, methodology of history.

За период более чем векового развития англо-американские исследования истории России, лидирующие позиции в которых по праву занимает XX век, неоднократно претерпевали изменения в предметных областях и методологических подходах. Конкретные условия институционального развития и степень политической ангажированности, безусловно, влияли на смену тематических векторов Russian Studies, равно как и на амплитуду колебаний от исследований идеологических и социально-экономических советских структур до пристального внимания к истории повседневности и вопросам демократизации российского общества [2, с. 23–24; 3, с. 273]. Периоды «поступательно-возвратного движения» Soviet Studies времен холодной войны определялись знаковыми историческими событиями (такими как запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 г. или распад Советского Союза в 1991 г.) и формировали колоритную фактуру трудов по советской истории – интеллектуальный «ответ» западных руссиеведов на вызовы времени.

Огромный корпус британской и американской научной продукции по советской и постсоветской тематике до сих пор остается недостаточно изученным в отечественном руссиеведении, несмотря на то что российская историческая наука, начиная с 1990-х гг., решает задачу освоения масштабной историографической традиции Russian Studies [4, с. 192–194; 5, с. 2–5; 6, с. 1193–1195; 7, с. 79–80]. В то же время объективное исследование «взгляда со стороны» – опыта англо-американского руссиеведения – позволит ответить на целый ряд вопросов, которые, как правило, остаются вне приоритетов российских авторов. Каковы взаимосвязи трансформаций и репрезентаций национальной идентичности в советской и современной России? Насколько успешными и долговременными можно считать современные политические стратегии по конструированию адекватной национальной идентичности? Каковы перспективы диалога зарубежного и отечественного руссиеведения в изучении советской и российской истории?

Для англоязычных Russian Studies 1990-х – 2000-х гг. местом соприкосновения является утверждение о взаимообусловленности, если не о синкретизме, национальных идентификационных практик имперской, советской и постсоветской России, рассматриваемых сквозь призму изменений в национальном самосознании. Внимание исследователей сосредоточено вокруг концептов «Российская империя» и «Российская цивилизация», фигурирующих в руссиеведении как

неоднозначная, но на редкость устойчивая составляющая российской национально-государственной идентичности.

Как отмечает Д. Роули, осмысление имперского характера российской государственности, ранее осуществлявшееся в рамках тоталитарной и ревизионистской парадигм, в конце прошлого столетия перешло в плоскость «имперской модели», подчеркивающей преемственность тенденций общественного развития между Российской империей и Советским Союзом [8, р. 395–400; 9, с. 260]. В этом контексте западная историография не расценивает события 1917 г. как кардинальный разрыв моделей развития, указывая на то, что важнейшие социокультурные и политические характеристики Российского государства не претерпели существенных изменений [10, р. 623–625]. В 1990-е гг. в англо-американской исторической русистике сформировалось направление «новая имперская история» («*new imperial studies*»), согласно которому Россия исследуется как многонациональная империя, а распад Советского государства в 1991 г. интерпретируется как «падение империи» [11, р. 625].

Под влиянием методологического симбиоза «новой культурной истории» и «новой имперской истории» неослабевающее внимание британских и американских россиеведов сосредоточено вокруг трансформаций национальной идентичности россиян в 1990-е гг., после исчезновения прежних, социалистических «информационных якорей» в аспекте не советского, но «имперского» опыта. По мнению исследователей, задача «ковки» национальной идентичности, отличной от советской, переосмысления себя как нации, а не как территориального и идеологического центра империи, повлекла за собой отказ от исторических великодержавных традиций и представления об особой роли России в качестве моста между Европой и Азией. Однако подобный отказ, произошедший в начале 1990-х гг., в долгосрочной перспективе оказался для России нецелесообразным [12]. Регионализм 1990-х гг., сопровождавшийся активным созданием городских и районных брендов, был вытеснен тенденцией к общенациональной, «имперской» иконографии. По мнению К.Р. Боувенга, постсоветский опыт показал, что тоска по восстановлению России как великой державы, империи обладает гораздо более мощным консолидирующим импульсом, нежели набравший популярность, но все же уступающий имперскому православному дискурсу [13].

Одними из популярных источников для изучения постсоветской национальной идентичности у американских россиеведов являются официальные заявления российских политических лидеров, Послания Президента России Федеральному собранию, в которых авторы замечают наследие холодной войны, неудовлетворенность ее итогами [14; 15]. В то же время концепция «суверенной демократии» трактуется как одно из свидетельств противоречивости и незавершенности процессов становления российской национальной идентичности [16, р. 450–463]. Со второй половины 2000-х гг. англоязычные Russian Studies отмечают готовность россиян поддержать воссоединение с другими частями бывшего СССР [17, р. 190]. Г. Робертс детально анализирует использование российскими торговыми брендами образов и категорий, связанных с национальной идентичностью («русскость», «духовность», «Великое прошлое России»), на упаковке и этикетках двух потребительских товаров постсоветской России – шоколада и водки [18, р. 300–313]. Автор резюмирует, что ностальгические призывы к целевой аудитории, патриотические лозунги и изображения, мифологизация и сакрализация российской государственности, представленные на упаковке потребительских товаров, являются эффективным способом формирования коллективного самоощущения российских потребителей. Утрата «мощного и опьяняющего импульса» коммунистической идеологии вызвала сильнейшее потрясение и тоску в посткоммунистическом мире, однако найти «заменитель» – иную, столь же убедительную доминанту российского социокультурного и политического развития, кроме «имперскости», – так и не удалось [19; 20; 21].

В качестве промежуточного итога интеллектуальных поисков «новой имперской истории» британские и американские россиеведы сформулировали ряд вопросов, остающихся на сегодняшний день без ответов: действительно ли имперский дискурс является неотъемлемой и «наиболее жизнеспособной» составляющей российской национальной идентичности? Или после реализации временной и компенсаторной функции в постсоветском социуме «русский мессианский дискурс» все же уйдет в прошлое?

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 12–06–33018 мол_а_вед (соисполнитель).
2. Агеева В.В. Тенденции развития современного отечественного россиеведения // Казанская наука. 2013. № 11. С. 23–25.
3. Агеева В.В. Отечественное россиеведение и Russian Studies: опыт взаимодействия в 1990-х – 2000-х гг. // Трансформация научных парадигм и коммуникативные практики в информационном социуме. VI Всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых / Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Томск, 2013. С. 273–274.
4. Трубникова Н.В. Междисциплинарный альянс или конфронтация? Дискуссии французских историков и социологов по теории социальных наук // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 3. С. 192–196.

5. Трубникова Н.В. Историческое движение «анналов». Институциональные основы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2007.
6. Андропова Л.А. Исследования России в Китае на современном этапе // В мире научных открытий. 2014. № 11.3 (59). С. 1193–1212.
7. Агеев И.А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 79–84.
8. Rowley D. Interpretations of the end of the Soviet Union: Three paradigms // *Kritika*. Bloomington, 2001. Vol. 2. № 2. P. 395–426.
9. Рогова И.Е. История имперской России сквозь призму современного англо-американского россиеведения // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 260–264.
10. Some paradoxes of the «new imperial history» // *Kritika*. Bloomington, 2000. Vol. 1. № 4. P. 623–625.
11. Ibid.
12. Bouveng K.R. *The role of messianism in contemporary Russian identity and statecraft*. Durham, 2010.
13. Ibid.
14. Ambrosio T., Vandrovec G. Mapping the geopolitics of the Russian Federation: the Federal Assembly Addresses of Putin and Medvedev // *Geopolitics*. 2013. Vol. 18. Issue 2. P. 435–466.
15. Roberts G. Message on a bottle: packaging the Great Russian Past // *Consumption Markets and Culture*. 2014. Vol. 17. № 3. P. 295–313.
16. Ambrosio T., Vandrovec G. Op. cit.
17. Marsh R. The Concepts of gender, citizenship, and empire and their reflection in Post-Soviet culture // *Russian Review*. 2013. Vol. 72. Issue 2. P. 187–211.
18. Roberts G. Op. cit.
19. Bouveng K.R. Op. cit.
20. Roberts G. Op. cit.
21. Marsh R. Op. cit.

References and notes:

1. The paper was performed with financial support from Russian Fund for Fundamental Researches, project № 12–06–33018 мол_а_вед (co-performer).
2. Ageeva, VV 2013, 'Trends in the development of modern domestic Russian studies', *Kazan science*, no. 11, p. 23-25.
3. Ageeva, VV 2013, 'Domestic Russian studies and Russian Studies: experience of cooperation in the 1990s – 2000s', *The transformation of scientific paradigms and communication practices in the information society*, VI All-Russian scientific-practical conference of students and young scientists, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, p. 273-274.
4. Trubnikova, NV 2005, 'Interdisciplinary alliance or confrontation? Discussions of French historians and sociologists on the theory of Social Sciences', *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, vol. 308, no. 3, p. 192-196.
5. Trubnikova, NV 2007, *Historical movement "annals"*. Institutional Foundations, D.Phil. thesis abstract, Tomsk.
6. Andronova, LA 2014, 'Studies of Russia in China at the present stage', *In the world of scientific discoveries*, no. 11.3 (59), p. 1193-1212.
7. Ageev, IA 2014, 'Methodological resource historical urbanism in contemporary studies of urban spaces', *Bulletin of Tomsk State University*, no. 385, p. 79-84.
8. Rowley, D 2001, 'Interpretations of the end of the Soviet Union: Three paradigms', *Kritika*, Bloomington, vol. 2, no. 2, p. 395-426.
9. Rogova, IE 2014, 'The history of the Russian Empire in terms of the contemporary British and American Russian studies', *Theory and practice of social development*, no. 16, p. 260-264.
10. 'Some paradoxes of the «new imperial history»' 2000, *Kritika*, Bloomington, vol. 1, no. 4, p. 623-625.
11. 'Some paradoxes of the «new imperial history»' 2000, *Kritika*, Bloomington, vol. 1, no. 4, p. 623-625.
12. Bouveng, KR 2010, *The role of messianism in contemporary Russian identity and statecraft*, Durham.
13. Bouveng, KR 2010, *The role of messianism in contemporary Russian identity and statecraft*, Durham.
14. Ambrosio, T & Vandrovec, G 2013, 'Mapping the geopolitics of the Russian Federation: the Federal Assembly Addresses of Putin and Medvedev', *Geopolitics*, vol. 18, issue 2, p. 435-466.
15. Roberts, G 2014, 'Message on a bottle: packaging the Great Russian Past', *Consumption Markets and Culture*, vol. 17, no. 3, p. 295-313.
16. Ambrosio, T & Vandrovec, G 2013, 'Mapping the geopolitics of the Russian Federation: the Federal Assembly Addresses of Putin and Medvedev', *Geopolitics*, vol. 18, issue 2, p. 435-466.
17. Marsh, R 2013, 'The Concepts of gender, citizenship, and empire and their reflection in Post-Soviet culture', *Russian Review*, vol. 72, issue 2, p. 187-211.
18. Roberts, G 2014, 'Message on a bottle: packaging the Great Russian Past', *Consumption Markets and Culture*, vol. 17, no. 3, p. 295-313.
19. Bouveng, KR 2010, *The role of messianism in contemporary Russian identity and statecraft*, Durham.
20. Roberts, G 2014, 'Message on a bottle: packaging the Great Russian Past', *Consumption Markets and Culture*, vol. 17, no. 3, p. 295-313.
21. Marsh, R 2013, 'The Concepts of gender, citizenship, and empire and their reflection in Post-Soviet culture', *Russian Review*, vol. 72, issue 2, p. 187-211.